ника — и идеологически и стилистически он сохраняет в общем свой первоначальный вид. Таким образом, говорить о сознательной редакторской работе над ним не приходится. Тема и в XVIII в., как увидим, была достаточно актуальна, и никаких оснований изменять картину, нарисованную автором XVII в., не было. Все списки согласно изображают монастырскую жизнь под управлением архимандрита Гавриила одинаково. Приехав в Колязин монастырь, он «почал монастырской чин разарять, старых пьяных всех разогнал, дошло до того, чуть и монастырь не запустел, некому стало впредь заводу заводить, чтоб пива наворить да медом подсытить, а на денги вина прикупить». Какими мерами он «разорял монастырский чин?» Челобитная обстоятельно описывает это, изображая в виде преступления возобновление обычаев монастырского устава: «плутам панамарям» он велел с утра «в колокола звонить, в доски колатить», старцу Уару «подле келей з дубиною ходить, в келейныя двери калатить, нашу братью будить, велит нам скоро в церковь ходить и нас богомолцев твоих томить». По его приказу «кривой Фалалей» «за ворота не пускает», на скотном дворе «коровницам благословения подать». Архимандрит «казны не бережет, ладану и свеч много зжет, церковь запылил, кадилы закаптил, а нам богомолцем твоим выела очи, засадила горлы». Но, не довольствуясь восстановлением общего порядка поведения в монастыре, архимандрит строго наказывает ослушников: «нашей братьи в праздники и в будни на шеи большия чепи кладет, да об нас же ботоги приломал». Когда монахи свили из уродившейся хорошо пеньки толстые веревки, чтобы из «погреба бочки с пивом волочить», архимандрит велел их «на кароткия палки везать», «шелепами называть», «а на нас богомолцев твоих тежело опускать». В великий пост он «завел вновь чин земныя поклоны», кормит их «репой пареной да ретькой вяленой», «во братины квас наливают». Сам он «хлеб сухой жует, мед весь перекис, а он воду пьет».

Параллельно этой картине идет описание привычного для монахов образа жизни. Когда звонят в церковь, они «без порток в одних свитках» в келиях сидят, «не поспеть им ночью в девять ковшей келейного правила исправить», «по нашему уставу с утра бы рано до дни часа за три в чеснаковики звонить, а за блюдом над старыми остатки часы говарить, а блаженны в ведрах нада вчерашним пивом поем, на шесть ковшей «слава и ныне говарить», а к свету на печь и спать ляжем». По этому же уставу «для посных дней» следовало подавать «везига бы да икра, белая рыбица телное, да две паровые тешки во штях, да ушка стерляжья» и т. д., идет длинный перечень лакомых постных блюд, за которыми вместо квасу сле-